pro-sud-123.ru

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru:
Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1 (12).

ISSN: 2542 – 2014 https://doi.org/10.5281/zenodo.5037797

УДК 347.9

Блинников Леонид Алексеевич
кандидат юридических наук,
Судья Краснодарского краевого суда

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: СОДЕРЖАНИЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Effectiveness of civil proceedings: content and practical significance

***Аннотация*:** в статье исследуются различные аспекты эффективности гражданского судопроизводства: содержание данной категории, возможные критерии (показатели), отличительные признаки в сравнении с иными видами судопроизводства. Отдельно рассматривается вопрос о доступности гражданского правосудия, как его главного отличительного признака. Критическому анализу подвергается включение в содержание эффективности избыточных элементов и одновременно обосновывается ведущее значение судебной практики как главного критерия её оценки.

***Ключевые слова*:** эффективность гражданского судопроизводства, признаки и критерии правосудия, доступность правосудия, судебная практика.

***Abstract*:** the article examines various aspects of the effectiveness of civil proceedings: the content of this category, possible criteria (indicators), distinctive

© Блинников Л.А. 2021.

features in comparison with other types of legal proceedings. The issue of accessibility of civil justice, as its main distinguishing feature, is considered separately. The inclusion of redundant elements in the content of effectiveness is critically analyzed, and at the same time the leading importance of judicial practice as the main criterion for its evaluation is justified.

***Keywords*:** efficiency of civil proceedings, signs and criteria of justice, accessibility of justice, judicial practice.

Успешное продвижение судебной реформы, особенно – с октября прошлого года[1], после реализации мер по радикальному совершенствованию инстанционной структуры судов общей юрисдикции, бесспорно, предполагает периодический анализ достигнутых положительных результатов, так и допущенных просчетов. Подобного рода процессы и их итоговые результаты традиционно оценивались с позиций **эффективности судопроизводства** (здесь и далее выделено авт.), в нашем случае – гражданского.

Очевидно, что понятие эффективности судопроизводства, является по своему характеру оценочным и в определенной мере субъективным. Тем не менее, оно достаточно часто используется в Указах Президента России, Постановлениях Правительства РФ, Конституционного и Верховного судов РФ, посвященных деятельности правоохранительных органов, хотя в процессуальном законодательстве, за редким исключением, не используется[2]. Поэтому столь важно правильно оценивать содержание эффективности судопроизводства, как понятийного аппарата, его возможные критерии

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.09.2019 № 30 «О дне начала деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, Центрального окружного военного суда» // Российская газета. 16.09.2019. № 206; Особая инстанция. Верховный Суд России утвердил дату начала работы отдельных кассационных и апелляционных судов // Российская газета 13.09.2019. № 205.

[2] Исключение составляет содержание ст. 6.1. ГПК РФ и аналогичных статей АПК РФ и КАС РФ.

(показатели), формирующие факторы, а также специфические черты именно гражданского судопроизводства. Соответствующий термин также является одним из самых используемых в научной, методической и учебной литературе, посвященной процессуальной тематике.

Этимологически, с учетом латинского происхождения, эффективность следует понимать как «результативность», «работоспособность», «действенность». Безусловно, здесь не приемлем подход, принятый в сфере экономических и технических познаний. Он, как правило, сводится к соотношению стоимости произведенных материальных благ и/или оказанных услуг и совершенных при этом трат. Совершенствование же процедур правосудия сопряжено с выделением значительных финансовых средств, однако объективная необходимость этого не вызывает сомнений и признается государством[3].

Применительно к предмету нашего исследования, эффективность – это, прежде всего, степень соответствия достигнутого результата изначально поставленной цели, определяемой задачами гражданского судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ[4]). Однако оценка эффективности связана не только с достижением конечного результата, но и путей, способов такого достижения, которые, в свою очередь, определяются принципами гражданского судопроизводства и реальным соблюдением порядка проведения всех судебных процедур. Иными словами, оценке должно подвергать не только цель, но и соблюдение правил её достижения. Такой **двуединый критерий** к определению эффективности судопроизводства представляется нам наиболее правильным в силу своей конкретности, лаконичности и, одновременно, достаточности в плане учета всех необходимых правовых, организационных и социально-экономических факторов. Мы признаем необходимость комплексного подхода в качестве методической основы определения

[3] См.: Фемида в новом формате / Президент Владимир путин рассказал о планах судебной реформы // Российская газета. 24.01.2018. № 14.

[4] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 02.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

эффективности гражданского судопроизводства, как целостной системы, в которой одни задачи не будут разрешаться за счет игнорирования других[5]. При этом, на определенных этапах функционировании системы, некоторые её элементы объективно могут несколько отставать от развития других, но за счет последних система в целом будет достаточно работоспособна. Бесспорным подтверждением этому служит практика осуществления правосудия 1990-х годов, реализуемая в обстановке крайне неэффективного, противоречивого законодательства. И, тем не менее, благодаря усилиям значительной части судейского корпуса удалось сохранить жизнеспособность отечественного судопроизводства.

Вышеописанной позиции, с теми или иными несущественными деталями, придерживается значительная часть ученых – процессуалистов и практических работников. Однако, здесь заслуживают внимания три вопроса (проблемных аспекта), разрешение которых в последнее время наиболее часто связывают с определением эффективности судопроизводства в целом. Первый состоит в установлении особенностей эффективности, присущих именно гражданскому судопроизводству, в отличие от иных процессуальных отраслей. Второй определяется необходимостью критического отношения к ненужному обременению указанного подхода иными, избыточными элементами, прежде всего, формально – логического и социального характера. В рамках этого направления отдельного внимания заслуживает рассмотрение схожих с эффективностью иных понятий, используемых для характеристики гражданского судопроизводства (справедливость, оптимальность, качественность и др.)[6]. Третий аспект достаточно автономен и заключается в оценке, с позиций эффективности,

[5] См. об этом, например: Бардин Л. Н. Процессуальные реформы и принципы гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 11. С.3-7; Соловьева Т.В. Модернизация принципов гражданского судопроизводства в свете реформ судебной системы // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6. С.6 -13 и др.

[6] Последний аспект, по причине многообразия существующих в научной литературе позиций, мы предполагаем рассмотреть в рамках отдельного исследования, являющегося логичным продолжением настоящей статьи.

соответствия различных упрощенных форм гражданского судопроизводства его целям (данный вопрос, наряду с иными оценочными категориями будет нами рассмотрен в очередном исследовании). Предлагаем свое видение указанных проблем в кратком изложении.

Главная отличительная черта гражданского судопроизводства состоит в том, что оно предоставляет сторонам **саму возможность** по защите своих законных прав и интересов, оставляя за ними принятие окончательного решения по её реализации. Понятно, что граждане, в силу различных причин, не всегда используют свое право на судебную защиту, а количество рассматриваемых судами исковых заявлений свидетельствует скорее о специфике социальной и экономической обстановки, складывающейся в определенный период времени в обществе. Именно поэтому здесь определение эффективности не может быть сопряжено с использованием каких-либо идеальных моделей судопроизводства, это принципиально важно. Например, в сфере уголовного судопроизводства такую модель можно гипотетически построить, если в качестве абсолютного результата принять 100% выявление преступлений и такое же количество лиц, их совершивших, с последующим привлечением их к уголовной ответственности. В целом схожая модель возможна и в сфере административного судопроизводства.

Из сказанного с очевидностью следует, что степень эффективности гражданского судопроизводства должна определяться, прежде всего, увеличением его доступности, прежде всего, для рядовых граждан[7]. Этот процесс должен быть взаимосвязан, например, с расширением перечня категорий граждан, случаев, а также органов, оказывающих бесплатную юридическую помощь[8], опубликованием в центральной печати алгоритмов порядка защиты своих прав, вплоть до типовых вариантов исковых заявлений. Последняя мера позволила бы гражданам самостоятельно

[7] См.: Юдина Ю. В. Доступность правосудия: от идеи – реалиям // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 11. С. 7-11.

[8] Речь идет о расширении положений ст. ст. 15 и 20 ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21 ноября 2011г. № 324-ФЗ.

отстаивать свои права в простых ситуациях, не требующих обязательной помощи профессиональных юристов. Мы также не можем согласиться с весьма популярной в десятые годы текущего столетия точкой зрения, которую наиболее точно высказал один из её сторонников: «Чем шире открываются двери в суд и чем больше поступает дел, тем меньшее их число можно разрешить при точном соблюдении процедуры, в разумные сроки и с наименьшими затратами»[9]. Если это и отражает реальное положение вещей, то так быть не должно. Деятельность судов должна адоптироваться к возрастающим потребностям отдельных граждан и общества в целом по судебному разрешению возникающих споров. Например, в ближайшее время легко предположить рост споров экономической направленности в связи с выделением значительных финансовых средств в рамках реализации национальных проектов (всего 900 млрд. руб. на период до 2024 года)[10]. Совершенствование судебной системы в качестве одной из основных целей как раз предполагает прогнозирование возрастания нагрузки на судей и принятие мер к её реальному снижению. Речь здесь идет, прежде всего, об освобождении судей от несвойственных им хозяйственных и организационных полномочий, расширении функций помощников судов, внедрению соответствующих информационных технологий[11]. Все это вселяет достаточный оптимизм в части перспектив гражданского судопроизводства в целом.

Однако, обращает на себя внимание и другая сторона рассматриваемого вопроса. Расширение доступности правосудия во многих исследованиях последнего времени необоснованно сводится **преимущественно или только** к применению передовых информационных технологий. Для этого используется устоявшийся термин «электронное

[9] См.: Аболонин В.О. О развитии гражданского процесса через смену основной парадигмы // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 11. С. 43.

[10] См. об этом: Что в проектах / Четыре приоритета экономики. Российская газета. 28.02.2019. № 45.

[11] См.: Фемида в новом формате / Президент Владимир Путин рассказал о планах судебной реформы. Российская газета. 24.01.2018. № 14.

правосудие», который нам представляется не совсем удачным[12]. Более того, его использование в ряде случаев воспринимается как своеобразная альтернатива процессу совершенствования всего гражданского процессуального законодательства[13].

По нашему убеждению, использование технологических новшеств создает **оптимальные условия** для функционирования системы правосудия, экономя время и организационные затраты, но никоим образом не меняет сущности, цели и принципов гражданского судопроизводства. Именно поэтому говорить об «электронном» правосудии или судопроизводстве не корректно.

Например, подача искового заявления по Интернету и утвердившаяся практика использования видеоконференцсвязи (ВКС) для дистанционного рассмотрения дела действительно существенно облегчают прохождение соответствующих этапов гражданского судопроизводства. Но в первом случае этим определяется возможная альтернативная форма заявления, а не его содержание (требования ст.131-132 ГПК РФ), а во втором - форма участия в судебном заседании, без изменения каких-либо правил его проведения (положения глав 15, 39 и 41 ГПК РФ). Что же касается использования электронных документов в процессе обоснования своих требований (и / или возражения на них) сторонами, то в этом случае они действительно являются отдельным, специфическим видом доказательств по делу, но не более.

В рамках **второго** аспекта заслуживают критического анализа формально-логические критерии в подходе к оценке эффективности

---

[12] См. об этом, например: Алексеев А. А. Электронное судопроизводство в российском гражданском процессе //Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 2. С.12-16; Балашов А. Н., Ефремова Н. Г. Развитие электронных технологий в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 8. С.8-12.

[13] См.: Грегер Р. Судья как Интернет – серфер. Выяснение обстоятельств дела в Интернете // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 161- 173; Смагина Е. С. Использование информационных технологий как альтернатива масштабным изменениям гражданского процессуального законодательства, направленным на повышение эффективности гражданского судопроизводства и оптимизацию судебной нагрузки // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 51-59.

гражданского судопроизводства. Речь идет, прежде всего, о величинах, долях отмененных судебных постановлений. Приведем типичную позицию только одного из авторов: «Первый показатель эффективности, связанный с восстановлением нарушенного права, является более или менее измеримым, поскольку его можно вычислить, используя для этого как статистические данные об отмене и изменении постановлений вышестоящими судебными инстанциями, а также об общем числе обжалуемых решений, так и, например, данные об исполнении судебных актов»[14]. Придерживаясь подобной логики, в конечном итоге можно прийти к выводу о том, что все вышестоящие инстанции существуют исключительно для исправления ошибок, допущенных нижестоящими инстанциями. Но это противоречит задачам и принципам гражданского судопроизводства, да и здравому смыслу в целом. Если же придерживаться верной позиции, отраженной в законе, то очевидно, что судебные постановления нижестоящих инстанций могут быть отменены в силу **иной правовой оценки** материалов дела и, прежде всего, доказательств, предъявленных сторонами. В настоящее же время, с возможностью обязательного и полного пересмотра дела в кассационной инстанции, реально возникновение ситуаций, в которых изначально принятое решение в той или иной мере изменялось дважды. Тогда возникает вопрос об оценке эффективности действий уже обоих нижестоящих судов, кто из них и в какой степени был неправ. Правовая абсурдность здесь налицо. Однако данная ситуация тупиковой вовсе не является. Её разрешение с методических позиций не представляет особых сложностей, поскольку анализу со стороны судейского сообщества, общества и государства должны подлежать массивы дел, достаточные по своим объемам для **выявления четких тенденций в сфере судопроизводства.** Для опытных судей всегда будет очевидна разница между случаями, когда отмена или изменение судебного постановления вызвана сложностями правовых оценок предмета

[14] См.: Сухорукова О. А. Критерий процессуальной справедливости в оценке эффективности гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 11. С. 3-7.

судебного разбирательства или недостатками, предвзятым отношением к работе конкретных судей (судов)[15]. Например, весьма различной будет оценка выносимых конкретными судами решений при отсутствии или наличии руководящих разъяснений Верховного суда РФ и материалов обобщенной судебной практики по соответствующим вопросам.

Критичное отношение будет обоснованным и в части оценки результатов различного рода социологических исследований, направленных на выяснение отношения граждан к судебной системе и эффективности правосудия. Понятно, что здесь всегда преобладает субъективный оценочный фактор, а результаты исследований будут существенно разниться в зависимости от контингента интервьюированных лиц, в зависимости от того, насколько они остались довольны результатами рассмотрения конкретных дел с их участием (в отношении их родных, близких[16]). Поэтому определение эффективности гражданского судопроизводства в процентных или долевых соотношениях по отношению к каким-либо моделям (порядкам, системам) не представляется возможным в силу очевидной их искусственности, а должно производиться на основе выявления и последующего анализа существенных тенденций правоприменительной практики.

В рамках **третьего** аспекта обратим внимание на четко обозначившуюся в последнее время тенденцию по определению эффективности всех видов судопроизводства на основании анализа качества **отдельных** процессуальных институтов, например, полномочий лиц, участвующих в деле, доказательств, процессуальных сроков и др. Но особое место при этом отводится упрощенным формам судопроизводства, в нашем случае – приказному производству (глава 11 ГПК РФ), которое

[15] См. об этом, например: Дегтярев С. Л. Вопросы ответственности судебной власти за некачественное отправление правосудия в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2015. № 2. С. 78-85.

[16] Мы не ставим под сомнение полезность подобного рода исследований, но их значимость должна оцениваться только с позиции социологии или иных общественных наук.

рассматривается в качестве своеобразного «слабого звена» всего гражданского процесса. Такой повод не лишен определенного смысла, если иметь в виду масштабы его применения и ущерб, причиняемый гражданам в результате противоправного использования указанного процессуального института[17]. Однако является ошибочным смешение двух проблем, а именно: недостатков правового регулирования приказного производства и их использование при совершении новых видов мошенничеств. Во втором случае необходимо применение соответствующих мер уголовного преследования, но не сомнения в объективной необходимости внедрения новых прогрессивных форм судопроизводства, которые в свое время позволили хоть немного снизить запредельную нагрузку на суды. Что же касается конкретных мер по устранению допущенных недостатков в плане защиты прав должника в рамках самого ГПК РФ, то они, во многом, были реализованы в октябре 2019 г., этот процесс продолжится и впредь. Принципиально важным будет отметить, что указанные меры как раз и основывались на жесткой реализации принципов гражданского судопроизводства – равенстве всех перед законом и судом, гласности судебного разбирательства и равноправия сторон (ст. 6, 10, 12 ГПК РФ). Верным будет и обратное утверждение: ранее допущенные ошибки были обусловлены недостаточным учетом тех же принципов.

Таким образом, исправление периодически допускаемых недостатков в сфере гражданского судопроизводства является **заслугой его системы в целом**, о чем мы говорили изначально. Именно поэтому можно говорить об имеющихся системных возможностях, которые позволят сводить к минимуму недостатки в разрабатываемом процессуальном законодательстве и оперативно устранять их в действующих нормах закона.

---

[17] Дело доходит до детального обсуждения указанных проблем в федеральных средствах массовой информации. См, например: Долг по липовой расписке. Новый вид мошенничества грозит проблемами каждому россиянину // Российская газета. 23.06.2019. № 133; Кому дан приказ. Мошенники научились использовать в своих интересах всю мощь судебной системы // Российская газета. 09.10.2019. № 227.

Список цитируемой литературы

1. Аболонин В.О. О развитии гражданского процесса через смену основной парадигмы // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 11;
2. Алексеев А. А. Электронное судопроизводство в российском гражданском процессе //Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 2;
3. Бардин Л. Н. Процессуальные реформы и принципы гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 11;
4. Балашов А.Н., Ефремова Н. Г. Развитие электронных технологий в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 8;
5. Грегер Р. Судья как Интернет – серфер. Выяснение обстоятельств дела в Интернете // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4;
6. Дегтярев С. Л. Вопросы ответственности судебной власти за некачественное отправление правосудия в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2015. № 2;
7. Соловьева Т. В. Модернизация принципов гражданского судопроизводства в свете реформ судебной системы // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6;
8. Смагина Е. С. Использование информационных технологий как альтернатива масштабным изменениям гражданского процессуального законодательства, направленным на повышение эффективности гражданского судопроизводства и оптимизацию судебной нагрузки // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1;
9. Сухорукова О. А. Критерий процессуальной справедливости в оценке эффективности гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. №11;
10. Юдина Ю. В. Доступность правосудия: от идеи – реалиям // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 11.